

Часть первая

1987 год. Люберцы

1

Снежинки редкие, крупные, парят, кружат, красуются, мягко садятся на лоб, приятно тают на носу, так и хочется подставить язык, но некогда: много работы. Снег поднимает настроение, хочется мечтать, фантазировать, в общем-то, именно этим Кеша и занимался. Дом с пацанами строят, на пустыре, скатывают снег в комья, стесывают их, делая кубы, и укладывают в стены. Справа из белого силикатного кирпича здание детского дома, слева новый микрорайон, там живут счастливики, они же уроды-любера, а на пустыре идет снежная стройка. Кеша сирота при живой матери, сколько помнил себя, все мечтал о своем доме. Мать от него отрекалась, по ней он уже не скучает, потому как взрослый, пятнадцать лет на днях исполнилось. Окончит восьмилетку, запишут в «шарагу», отучится на камен-

щика, отслужит в армии, устроится на стройку, будет зарабатывать, женится, дети пойдут... Будет у него своя семья, обязательно будет. И дом свой будет...

— Вот и чего им дома не сидится? — тревожной сиреной прозвучал голос Будулая.

Цыганская кровь у него и в жилах, дурной голове покоя не дает. Родной табор себе придумал, все сбежать норовит, четыре раза уже отлавливали, возвращали. Его дом — тополя под открытым небом, он ледяную избушку не строит, ему не нужно, стоит, курит, сквозь зубы сплевывает, потому первым увидел толпу. Любера идут, человек двадцать, палки, цепи, тупая, злобная сила. Смелые, когда всемером на одного. Сбиваются в стаи, рыщут в поисках слабых, найдут, набросятся толпой. Сильных обходят стороной, Кеша давно раскусил их шакалью сущность.

— Валить надо! — конопатый Мякиш с опаской глянул на Кешу.

Со стороны глянуть, парень вроде ничего, а глубже копнуть, гнильцой пахнёт. Когда все хо-рошо, лучшего друга не сыскать, но, если беда, всегда найдет причину, чтобы сдриснуть. Уже глаза таращит и лицо кривит, если его не поддержат, скажет, что срачка напала.

— Никто никого не держит! — пренебрежительно глянул Кеша.

— Сегодня битва с дураками! — расправил плечи Ячмень.

Круглое лицо, круглые глаза, круглые ноздри, а сейчас и рот круглый, потому что он губы трубочкой сложил. Музыка у него в голове играет, басы ревут, ритмы бренчат. Мечта у парня, «Шарп» двухкассетный хочет. Купить, украсть, все равно, лишь бы моща в колонках зашкаливала.

*Сегодня самый лучший день,
Пусть реют флаги над полками,
Сегодня самый лучший день,
Сегодня битва с дураками.*

Любера все ближе, а снег все гуще. Снежинки мелкие, падают густо, быстро. Не кружат в танце, а пулями летят, очередями. Такой снегопад, что за пару часов труп на поляне засыпать может.

Кеша представил, как будет лежать на снегу с проломленной головой, глаза открыты, смотрят в небо, но ничего не видят. И голова не думает, ни одной хотя бы самой тупой мысли в ней, потому что все, нет больше Кеши Старкова. И никогда не будет.

Их всего восемь, и то, если Мякиш не свалит, против такой толпы не выстоять. Но и сбежать они не могут, воспитание не позволяет. Дураки они, поэтому не уйдут. Битва с дураками — это про них...

— Кто не с нами, тот не пацан!

Кеша сунул руку в карман, надел на пальцы кассет. Если любера надеются на легкую прогулку, то дураки — они.

* * *

Ватка пахнет спиртом, пол карболкой, в столовой — кислой капустой, хочется есть. Все время хочется есть, но для Кеши это не в диковинку. И в детдоме повара его обкрадывают, и здесь, в больнице. Нос уже зажил, голова перевязана, но бинты скоро снимут. Будулая уже выписали, Ячмень и не ложился, загипсовали сломанную руку и отпустили домой. Если это можно назвать домом. И Кеша скоро перейдет с одной казенной пайки на другую. Холодно в детском доме. Даже когда друзья рядом, даже когда батареи горячие, все равно холодно. И одиноко. Но судьба — злодейка, кого-то не трогает, а кому-то нож в спину. Кешу она не пощадила, но ничего не поделаешь.

Он лежал на кровати, читал книгу, Жюль Верн, «Таинственный остров». Попасть бы сейчас в тропики, Чунга-Чанга, лето круглый год, кокосы, бананы, никаких забот.

Дверь в палату открылась, врач Лев Сидорович, маленький, толстенький, лысый, глаза добрые, душа открытая, побольше бы таких.

— Вот, пожалуйста, Старков Иннокентий Иванович! — Лев Сидорович показывал на Кешу, а смотрел на женщину, которую сопровождал.

Короткая стрижка, брови взлет, изящный высокий нос с прямой гладкой спинкой, расслабленные губы, четко очерченный подбородок. Высокая, стройная, под халатом белая водолазка с высоким воротом, поверх нее кулон на длинной

золотой цепочке, юбка в крупную клетку, сапоги на шпильке. Взгляд ясный, но замутненный непонятного происхождения чувством вины.

— Здравствуй, Старков Иннокентий Иванович! — Это же чувство вины прогнало улыбку.

— Чего? — Кеша настороженно смотрел на женщину из чужого и недоступного для него мира.

Ей немногим за тридцать, его мама примерно такого же возраста, в шестнадцать родила, бросила в роддоме, даже не попрощалась. Это все, что знал о ней Кеша. Но чувствовал, что она жива...

Не так давно он с жадностью смотрел на таких вот молодых женщин, все ждал, когда ему скажут: «Здравствуй, сынок, я твоя мама!» Ждал, но чудо так и не свершилось.

— Здравствуй, Кеша, это твоя мама! — сказал, растроганно улыбаясь, Лев Сидорович.

Кеша закрыл и глаза, и книгу, не зная, как реагировать на новость. Когда-то в своих фантазиях он бросался матери на шею, обнимал ее, целовал, потом прогонял, однажды, или даже не однажды, назвал ее сукой. Но ждать маму он так и не перестал. Пытался обмануть себя, что не нужна она ему больше, но все равно ее ждал. Неужели дождался?

* * *

Суп вкусный, наваристый, жир от настоящего мяса золотыми кругами плавает, а запах!.. Супница фарфоровая, с узором, тарелки из одного посуд-

ного сервиза, ложки, вилки, ножи — под серебро, скатерть белая, трогать страшно, такая чистая. Кеша не поленился, подставил под ложку кусок хлеба, чтобы не капнуло. Агния не сдержалась, фыркнула, заметив это. Он косо глянул на нее, это ей не понравилось.

— Чего смотришь? — враждебно произнесла она.

— Агния! — строго глянул на нее Эдуард Васильевич.

На Кешу он посмотрел с еще большим осуждением, стараясь при этом казаться вежливым.

Эдуард Васильевич — большой человек, второй секретарь райкома, у него четырехкомнатная квартира улучшенной планировки, обстановка, какую Кеша видел только в кино про хорошую жизнь, видеоманитофон «Шарп», личная «Волга». Сытый взгляд, сытые щеки, сытый живот, и совсем непонятно, почему он вечно всем недоволен. Глянешь на его кислое лицо, рука сама к сладкой конфете тянется. А конфеты здесь свободно, в хрустальной вазочке в зале, правда, лучше от них не отщипывать. Кеша вчера взял сразу несколько, Эдуард Васильевич так на него глянул, до сих пор в горле свербит. Мама сказала, что сладкого много нельзя, сахар — белая смерть, все такое. Говорила, а сама на мужа с опаской смотрела, вдруг заткнет рот. Грубый он мужик, Бородулин, хотя и пытается изображать из себя воспитанного интеллигента.

Агния — дочь его, ей шестнадцать, учится в десятом классе, а Кеша даже не знает, в какой пой-

дет. Он учился в восьмом, но Агния прочит ему седьмой, говорит, что после спецшколы для недоразвитых и это за счастье. А у них обычная школа, и учился Кеша неплохо. Впрочем, Агния еще та штучка, слушать ее с оглядкой нужно, а верить — себя не уважать.

Вредная она девчонка, но смазливая, этого не отнять. Светло-русые волосы до пояса, лицо широкое, глаза большие, нос немаленький, неидеальной формы, но Агнию он совершенно не портил, даже усиливал, как это ни странно, ее привлекательность. И полные губы, стоит признать, ей к лицу. Стройная, длинноногая, грудь уже полновесная, в ладони не уместится. Красивая, модная, вся в фирме, футболка с белоголовым орлом на фоне полосатого флага. Отец в райкоме за советскую идеологию рубится, а дочь за Америку топит.

Кеша ел осторожно, чтобы не испачкать скатерть и свою новую рубашку, подарок мамы. И остатки супа в тарелке хлебом промокнул, не пропадать же добру. Агния, увидев это, засмеялась в голос, в этот раз Бородулин одергивать ее не стал. И на Кешу глянул, осуждающе качнув головой. У них так не принято, и он должен это немедленно уяснить, чтобы впредь не повторять. И не раздражать хозяев этой жизни. А как еще Кеша мог его понять?

Мама за столом не сидела, ей не положено, в доме она в роли прислуги, Кеша это еще вчера понял. И в квартире убрать, и обед приготовить,

и все это в свободное время. Работала она машинисткой в народном суде, полный день с утра до вечера, когда все успевать?

Мама убрала суп, подала второе, мясное рагу с фасолью, выглядит аппетитно, пахнет вкусно, Кеша благодарно глянул на маму. Спасибо ей, что забрала. Здесь ему неуютно, неловко, но кормят просто слов нет. Мама его как будто стесняется или даже стыдится, но это всего лишь с непривычки. Молодая она была, глупая, бросила ребенка, пыталась устроить личную жизнь, наконец ей повезло, и она смогла забрать сына. Только сейчас и смогла забрать. Не может Кеша ее осуждать, да и не хочет. Старые обиды улеглись, глаза не колют, на язык не просятся.

— Что это у нас, пердюшель? — оттопырив нижнюю губу, спросила Агния.

Кеша усмехнулся, глядя на нее. Хлебушком помогать себе нельзя, а чушь пороть можно? И она, похоже, поняла значение его взгляда.

— Вы, наверное, там, в своем детдоме, только такое и жрали, да? — уколола она.

— Только без мяса, — не моргнув, сказал Кеша.

Он не собирался ссориться с Агнией, так что пусть не жалит, у него противоядие. Жизнь в детском доме не сахар, подначки, издевательства там дело обычное, сильные так и норовят обидеть слабого, Кеша давно уже к этому привык. И в руках умел себя держать, поэтому его давно уже никто не трогал, но память о холодных черных днях осталась.

Воспитательница, помнится, была, такая же язва, как Агния, только облеченная властью, чуть что не так, коленями на горох, это летом, а зимой с голым задом на мороз. И ничего, выжили.

— А с головой что? — свысока, барским тоном спросил Эдуард Васильевич. — Подрался?

— Да нет, упал.

— А я слышал, драка была.

Кеша даже не шевельнулся, хотя драка вышла жестокой. Не дрогнули они тогда в схватке с уличной гопотой, но досталось им крепко. До смерти не забили, но злость на люберов усилилась. А мама двойной сюрприз преподнесла: одно дело, к себе забрала, и другое — в Люберцы увезла. В самый рассадник зла. А завтра в школу — через улицу. Как бы не нарваться. Он здесь чужой, «черт», «лох», как ни называй, обижать можно, даже нужно. Люберов хлебом не корми, дай только слабого опустить, уж кто-кто, а Кеша это знает, полной мерой хлебнул.

— Да мы просто шли, навалились толпой. Ну, вы знаете.

— Не знаю! — отрезал Бородулин.

— Это же Люберцы!

— И что?

— Да ничего, — глянув на Агнию, пожал плечами Кеша.

Уж она-то знала, чем живет и дышит этот город, район, могла бы и бросить свысока, что нет никого круче люберов. И на Кешу глянуть с презрением, он бы не обиделся. Но Агния его никак не

поддержала, лишь усмехнулась себе под нос. Приехал какой-то лох из деревни, получил по шапке у себя там на завалинке, тени своей боится, о чем с таким говорить?

— Никаких больше драк! — Эдуард Васильевич смотрел на Кешу строго, взыскательно. — Ты меня понял?

— Так я и не собираюсь.

— Я крупный партийный работник, меня здесь знают и уважают, ты просто не имеешь права меня компрометировать своим поведением!.. Веди себя тихо, учись хорошо, слушайся меня, маму...

Бородулин заученно прочел целую лекцию, чувствовалось, что читать мораль — часть его профессии. Но также Кеша понимал, что слушаться этого типа — это его участь в новой жизни. В детском доме свои преимущества, там, среди друзей, он чувствовал себя в своей тарелке, но возвращаться туда почему-то не хотелось. Здесь у него своя комната, здесь он может есть досыта. И еще после восьмого класса он может поступить в техникум, а не в какое-то ПТУ, это уже совсем другой уровень. А кому не хочется стать человеком?

* * *

Рыжие волосы, конопатое лицо, желтые глаза, запах пота и мочи. В какой-то момент Кеше показалось, что перед ним стоит Мякиш.

— Ты кто такой? — зло спросил рыжий.

— Отвали!

Кеша понимал, грубить нельзя, можно на-рваться, но и сопли пускать он тоже не собирался.

Школа ему понравилась, современное здание, светлые классы с высокими потолками, целый комплекс спортивных залов, большой, малые, даже качалка есть, и станки там не самодельные, а заводские. Кеша уже успел побывать там, только вот качков не увидел. Может, по вечерам собираются. А может, сами к нему подойдут, за рыжего спросить. Ясно же, что загонщика под него выслали, узнать, кто он такой по жизни, пацан или лох позорный. Он-то, конечно, пацан, но среди своих, а здесь ему все заново начинать. А не хочется. Быть своим среди чужих не хочется. Любера его враги, нельзя ему с ними, запахло.

— Детдомовский? — не унимался рыжий.

— А это правда, что у вас там всех баб... ну того! — Пучеглазый толстяк ткнул пальцем в баранку из согнутых и сомкнутых пальцев.

Щеки вислые, подбородок как холодец трясется, живот выпирает так, что рубашка в брюки не заправляется. Ну какой из него любер? Рыжий тоже и близко на качка не тянет. Парней в классе не очень много, человек семь-восемь, среди них только один более-менее спортивного телосложения, а остальные своим телом и близко не занимались. Жирный так брюхо набил, смотреть тошно. Еще и крутого из себя корчит. Вломить бы ему промеж глаз, да нельзя. Плевать на Бородулина,